

СУИЦИД В ГОРОДЕ И ДЕРЕВНЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В.Б. Безгин, Д.П. Жеребчиков

*Кафедра «История и философия», ФГБОУ ВПО «ТГТУ»;
vladyka62@mail.ru*

Представлена членом редколлегии профессором Н.Ц. Гатаповой

Ключевые слова и фразы: гендерный фактор; душевные расстройства; отравление; повешение; причины суицида; провинциальный город; пьянство; российская деревня; самоубийство.

Аннотация: Рассмотрена проблема суицида провинциальных городских и сельских обывателей в России в конце XIX – начале XX вв. Изучены и проанализированы материалы статистики по самоубийствам в российской провинции. Исследованы способы, причины и мотивы добровольного ухода из жизни жителей города и деревни. Проблема суицидности горожан и сельских жителей рассмотрена в социальном и гендерном аспектах.

Наряду с ростом преступности и алкоголизма в нашей стране катастрофических масштабов достигло число самоубийств. Если в конце XIX в. Россия занимала последнее место по уровню самоубийств среди европейских стран – в ней совершалось 3 самоубийства на 100 тыс. населения, то в конце XX в. – 19 на 100 тыс. населения. Сегодня наша страна входит в число стран с очень высоким числом суицидов, по данным за 2009 г., – это 26 чел. на 100 тыс. населения.

На практическую значимость изучения проблемы суицида обратил внимание еще П. Сорокин, который один из первых в отечественном обществознании осуществил исследование этого вопроса. В своей работе он, в частности, утверждал, что «самоубийство – явление настолько странное, настолько необычное по своей природе, что заслуживает самого тщательного изучения; помимо чисто научного интереса, изучение его необходимо еще и потому, что оно может иметь весьма важные последствия для практических целей: число самоубийств с ростом культуры и цивилизации очень быстро растет, в нашу эпоху оно растет настолько быстро, что становится какой-то эпидемией, угрожающей всему обществу вообще и каждому из его членов – в частности» [13].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы изучить проблему самоубийства в российской провинции конца XIX – начала XX вв. Задача исследования заключается в установлении статистики суицида провинциальных жителей, способов и причин их самоубийств, а также в выяснении мотивов добровольного ухода из жизни сельских и городских обывателей.

Установить масштабы изучаемого явления сложно по причине неполноты статистических данных. Статистика самоубийц в России до конца XIX в. практически не велась. Только с конца 1870-х гг. можно говорить о каком-то учете случаев суицида в губерниях. Факты самоубийств регистрировались полицейскими уездными исправниками, наряду с другими происшествиями, и о них ежемесячно

сообщалось в рапорте губернатору. Число самоубийств отражалось в ежегодных обзорах губерний, прилагаемых к губернаторским отчетам императору.

В период с 1870 по 1895 гг. в Тамбовской губернии по статистическим данным произошло 1266 случаев суицида, из них в городах губернии – 264 самоубийства, в уездах – 1002 самоубийства [2, с. 58; 3, с. 50; 8; 14, с. 28]. С учетом большого превосходства сельского населения губернии над городским, можно утверждать, что города существенно опережали села по вероятности случаев самоубийства среди населения. Добровольный уход из жизни имел более широкое распространение среди городского населения, чем среди жителей русской деревни. Это наглядно представлено соотношением числа самоубийц на 100 человек умерших насильственной и случайной смертью в 1875–1887 гг., по которому города Тамбовской губернии (6,6 самоубийц на 100 умерших насильственно и случайно) превосходили села (2,6 самоубийц на 100 умерших насильственно и случайно). Если рассматривать гендерный аспект самоубийств, то видно, что мужской суицид превосходил женский как в городе, так и в деревне. В губернии за 25-летний период с 1870 по 1895 гг. женщины составляли треть всех самоубийц: из 264 городских самоубийц женщин было 84 (31,8 %), из 1002 сельских самоубийц женщин было 321 (32 %) [2, с. 58; 3, с. 50; 8; 14, с. 28].

За последние три десятилетия XIX в. количество самоубийств в городах губернии увеличилось в 2–2,5 раза: если в 1870–1874 гг. случаев суицида было 27, то в 1885–1889 гг. – 68; 1891–1895 гг. – 50 [14, с. 28; 8]. Если учесть, что население тамбовских городов в этот период увеличилось в 1,5 раза, то видно, что рост числа самоубийств опережал рост городского населения. Доля женщин среди самоубийц также возросла с 29,6 % в 1870–1874 гг. до 35,3 % в 1885–1889 гг. и 36 % в 1891–1895 гг. [14, с. 28; 8]. Но нельзя утверждать, что проблема суицида среди горожан в Тамбовской губернии носила критический характер. По уровню самоубийств тамбовские города, как и города соседних аграрных губерний, заметно отставали от двух столиц, крупных городских центров империи, городов соседних регионов и общероссийского городского уровня суицидности. Это подтверждают статистические сведения. На 100 умерших насильственной и случайной смертью в 1875–1887 гг. в Тамбовской губернии приходилось 6,6 самоубийц, в городах Орловской губернии – 5,6; Воронежской – 6,4; Рязанской – 7,4; Пензенской – 8; Московской – 9, а общий показатель в городах Европейской России – 9,2 самоубийцы на 100 насильственно и случайно умерших в 1875–1887 гг. [2].

Имеющиеся статистические данные дают основание утверждать, что в конце XIX – начале XX в. происходит рост числа самоубийств. Так, в России с 1870 по 1908 г. общее их количество увеличилось в 5 раз, а к 1910 г. – почти удвоилось. В Петербурге, по данным доктора Григорьева, с 1906 до 1909 г. самоубийства увеличились на 25 %, тогда как население увеличилось лишь на 10 %. По данным официальной статистики, уровень самоубийств в Европейской части России вырос с 2,1 случая на 100 тыс. населения в 1905 г. до 2,6 в 1907 г., 3,3 в 1910 г. и до 3,4 в 1912 г. [7, с. 125].

В условиях значительного преобладания в социальном составе населения страны крестьян большая доля самоубийств приходилась на них. По подсчетам доктора Жбанкова, за 1905–1909 гг. из 9510 случаев самоубийств крестьяне составляли 57,3 %, высшие и богатые классы – 11,5 %, учащиеся – 10,7 %, чиновники – 7,7 %, армия и полиция – 7,5 %. Более точная статистика по Петербургу за 1911 г. дала еще более красноречивые результаты: из общего числа самоубийц крестьяне составляли 78,14 %, дворяне – 7,71 %, мещане – 11,74 %, купцы – 1,53 %, духовенство – 0,21 %, иностранные поданные – 0,71 % [13].

Однако из этого не следует делать вывод о высокой степени суицидности крестьян. Добровольный уход из жизни в русском селе – событие скорее экстраординарное, чем обыденное. Большинство корреспондентов этнографического

бюро князя В.Н. Тенишева в своих сообщениях были солидарны в утверждении о том, что самоубийства в деревне были явлением редким [10, т. 1, с. 479; т. 2, ч. 2, с. 599; т. 3, с. 322, 566; т. 6, с. 248]. Такой вывод подтверждается и данными врачебно-медицинской и полицейской статистики. По подсчетам доктора медицины Е.В. Святловского в Волочанском уезде Харьковской губернии за период с 1874 по 1884 гг., согласно данным полицейского управления, было совершено 57 самоубийств, то есть в среднем в год совершалось 5,27 случаев суицида. Мужчины составляли 70,69 % сельских самоубийц, на женщин приходилось 29,31 % [12, с. 197–198]. В уездах Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв., по данным губернаторских отчетов, ежегодно регистрировалось от 28 случаев самоубийств в 1885 г. до 62 – в 1897 г. Максимальное число самоубийц в селах губернии было отмечено в 1910 г. – 88 крестьян, в том числе 68 мужчин и 20 женщин. Доля женщин среди сельских самоубийц колебалась от 22 % в 1884 г. до 39 % в 1885 г. [8].

Женщин среди самоубийц всегда было меньше, чем мужчин. Сравнительно низкий уровень женских самоубийств К.С. Веселовский объяснял пластичностью женщин и обращенностью их души внутрь себя в отличие от мужчин, которые находятся в борьбе с миром и самими собой [1]. Но на протяжении XIX в. число женских самоубийств медленно, но возрастает. Доля женских завершенных самоубийств, по неполным данным, составила в 1821–1822 гг. – 21 %, 1844–1846 гг. – 23 %, 1870–1874 гг. – 25 %, 1875–1880 гг. – 25,5 %, 1881–1890 гг. – 29 %, 1891–1899 гг. – 32 % [4]. Это являлось неизбежной платой за женскую эмансипацию.

Возраст крестьян, совершивших самоубийство, составлял от 20 до 50 лет. Самоубийства детей и стариков были крайне редки. Так в 1908 г. в Тамбовской губернии был отмечен лишь один случай подросткового суицида. «18 марта этого года в с. Солдатской слободе Борисоглебского уезда удушился крестьянский мальчик Иван Гушин, 12 лет, причина – тоскливое состояние» [5. Д. 6676. Л. 122]. По данным за 1904 г. наибольшее число суицидов в тамбовской деревне приходилось на возраст 20–40 лет – 10 случаев, 5 самоубийств было совершено крестьянами в возрасте от 40 до 60 лет [5. Д. 6676. Л. 55]. Таким образом, возраст большей части сельских самоубийц приходился на период наибольшей жизненной активности.

Горожане совершали самоубийство в большинстве своем в среднем возрасте. В этом плане суицидность городских жителей не отличалась от суицидности селян. Но в отличие от деревни, где самоубийства детей были крайне редки, подростковая суицидность в тамбовских городах имела более широкое распространение. Причем среди подростковых самоубийств распространены были женские суициды. Причины, толкавшие подростков на самоубийство, были самые разные. В донесении Министру внутренних дел от 5 мая 1875 г. сообщалось, что в Козлове дочь купца 2-й гильдии Ивана Сизова Клавдия, 16-ти лет, застрелилась из револьвера. Полицеймейстером и судебным следователем на столе в спальне была найдена ее предсмертная записка следующего содержания: «Пусть никто не огорчается моей смерти, бесполезный человек, в мире никому не нужен. Клавдия Сизова» [9. Оп. 36. Д. 371. Л. 7]. В донесении специально указано: «Умершая девица Сизова получила воспитание в Тамбовской женской гимназии, откуда вышла в минувшем году и отличалась крайней либеральностью и резкостью мыслей» [9. Оп. 36. Д. 371. Л. 7 об.]. В Тамбове в 1878 г. повесилась по причине «семейных неудовольствий» 16-летняя дочь отставного унтер-офицера Серафима Тюрина [9. Оп. 39. Д. 864. Л. 112]. На следующий год там же две воспитанницы Сиротского дома, которым было по 15 лет, по неизвестной причине предприняли попытку самоубийства: приняли растворенный в воде фосфор от спичек. Они остались живы и были направлены в больницу [9. Оп. 40. Д. 598. Л. 42].

Самоубийства горожан происходили преимущественно весной и летом. Из рассмотренных в данной работе случаев и попыток суицида в городах губернии лишь несколько произошли осенью и зимой. В этом плане городские самоубийства не отличались от сельских: в уездах губернии так же наблюдался весенне-летний суицидальный максимум. По нашим подсчетам, за 1908 г. в Тамбовской губернии осенью и зимой было совершено всего 4 самоубийства, в то время как за весну-лето этого года их было зарегистрировано 13 [5. Д. 6676, 6677]. Данное наблюдение вполне согласуется с выводами специалистов о весенне-летнем максимуме самоубийств [4]. Исследователь П. Сорокин в своей работе отмечал, что «больше их (то есть самоубийств) летом, затем следует весна, за весной осень, а минимум приходится на зиму» [13]. В аграрном календаре именно лето являлось для крестьян самым трудным периодом, требующим от них максимального напряжения физических и душевных сил. Наверное, некоторым их не хватило в борьбе с жизненными испытаниями.

Рассмотрим способы, к которым прибегали сельские самоубийцы. Повешение, как способ самоубийства, преобладало в крестьянских суицидах. За период с 1874 по 1884 г. к нему прибегло 42 (в том числе 33 мужчин и 9 женщин) из 56 деревенских самоубийц Волочанского уезда Харьковской губернии. Отравление, чтобы свести счеты с жизнью, использовали преимущественно крестьянки. Из шести отравившихся за десятилетие пять были сельскими бабами. И только на мужчин-самоубийц приходилось три случая самострела [12, с. 197]. Такое соотношение в выборе способов ухода из жизни вполне закономерно. Если к повешению (удавлению) в деревне прибегали как мужчина, так и женщины, что объяснялось доступностью этого способа (веревка была в каждой избе), то в выборе отравления или самострела определяющую роль играла половая принадлежность самоубийц. Бабы не умели обращаться с огнестрельным оружием, да и в редкой семье оно имелось. Также можно предположить, что женщины-самоубийцы, в отличие от мужчин, и после смерти хотели выглядеть привлекательно.

В начале XX в. ситуация в выборе способа ухода из жизни не изменилась. На основе рапортов уездных исправников Тамбовской губернии за 1908 г. можно сделать вывод о том, что из 20 самоубийц (14 мужчин и 6 женщин) повесились 17 человек, в том числе 12 мужчин и 5 женщин, отравились один мужчина и одна женщина, один крестьянин застрелился [5. Д. 6676, 6677]. По данным М.Н. Гернета за 1926 г. среди способов самоубийства первое место по-прежнему занимало повешение – 49,7 %, далее следовало: с помощью огнестрельного оружия – 23,9 %, отравление – 14,6 %, утопление – 4 %, с помощью холодного оружия и путем попадания под транспорт – по 3 %, падение с высоты – 0,5 %, иное – 2 % [11]. Спустя почти век предпочтения самоубийц в выборе способа исполнить задуманное остались прежними. По статистике, из способов самоубийств в современной России первое место занимает повешение, второе – отравление, при котором женщины по-прежнему обгоняют мужчин. Далее следует применение холодного оружия, падение с высоты, применение огнестрельного оружия (в основном у мужчин) и утопление (у женщин) [6].

Помимо повешения женщины-самоубийцы прибегали к отравлению. Чаще всего, как средство ухода из жизни, использовали раствор фосфорных спичек [10, т. 2, ч. 1, с. 509]. Таким способом совершила самоубийство в 1898 г. крестьянка Анна, жительница Любимовского уезда Ярославской губернии. Будучи вдовой, имея двух детей и живя с родителями мужа, она забеременела, а по рождению задушила своего ребенка. Из-за страха, что преступление раскроется и обесчестит ее, и по причине раскаяния за детоубийство, она отравилась [10, т. 2, ч. 2, с. 202]. По сообщению уездного исправника Козловского уезда Тамбовской губернии за 1904 г., в с. Ржакса 20 марта отравилась фосфором крестьянка Марфа Павловна Сафронова, 20 лет; в с. Пичаево Курдюковской волости таким же спо-

собом 16 марта ушла из жизни крестьянка Федосия Сергеевна Журавлева, 25 лет [5. Оп. 1. Д. 5637. Л. 184, 225 об.]. В земской больнице г. Моршанска 26 февраля 1908 г. от отравления уксусной эссенцией скончалась крестьянка с. Больших Куликов Александра Яковлевна Долгова, 21 год [5. Оп. 1. Д. 6676. Л. 85 об.]. Мужчины-самоубийцы, прибегшие к отравлению, чаще использовали мышьяк. Так 9 июля 1906 г. в Усманском уезде Тамбовской губернии мышьяком отравился крестьян Федор Калядин [5. Оп. 1. Д. 6247. Л. 123 об.]. В этом же году 27 октября в с. Дюк Казачинской волости Шацкого уезда от отравления мышьяком умер Иван Павлович Алябьев, крестьянин того же села, 75 лет [5. Оп. 1. Д. 6248. Л. 447].

Если в деревнях, как способ самоубийства, преобладало повешение, то в тамбовских городах самым распространенным способом самоубийства было лишение собственной жизни с помощью огнестрельного оружия. Даже среди городских обывательских слоев обладание огнестрельным оружием в исследуемый период не было такой уж редкостью. Им обладали лица военного звания. Удушение как способ самоубийства, уступая в плане распространенности самострелу, часто встречается в ведомостях полиции о происшествиях в тамбовских городах. Так же не редко встречались сообщения об отравлении и применении холодного оружия.

Значительное число среди городских самоубийц Тамбовской губернии составляли действующие и отставные военные. В 1871 году в Козлове рядовой уездной команды Тимофей Ермохин, стоя на часах в тюремном замке, два раза покушался на самоубийство выстрелом из ружья. «Но оба раза пистоны осекались», и попытка самоубийства не состоялась. Рядовой был передан в распоряжение судебной власти [9. Оп. 32. Д. 1583. Л. 206 об.]. В том же году в Козлове проживавший на квартире в доме крестьянина Курьянова подпоручик Александр Скорино, пригласив в свою комнату хозяина дома, и подавая ему записку на имя некой Маши, мгновенно вынул из ножен клинок и нанес им себе рану в левый бок. После оказания медицинской помощи жизнь подпоручика оказалась вне опасности. Причина попытки суицида, как указано в отчете, – «крайне бедственное его положение» [9. Оп. 32. Д. 1583. Л. 32 об.]. В Козлове в 1879 г. застрелился из револьвера проживавший в гостинице Силантьева Степан Пенчинский, юнкер 13-го гусарского Нарвского полка, расположенного в городе. Отцу своему, директору Тифлисского реального училища, он оставил письмо, в котором пояснил, что жизнь ему надоела и кроме страданий ничего не приносит [9. Оп. 40. Д. 598. Л. 277–277 об.]. В Шацке в том же году застрелился в своей квартире 30-летний ефрейтор Игнатий Собакин [9. Оп. 40. Д. 598. Л. 73 об.]. Большинство военных в тамбовских городах составляли выходцы из других губерний. Приезжие, как и военные, были подвержены большему риску совершения суицида, чем местное население.

Самоубийства приезжих в городах были не редкостью. Суициды совершались ими в гостиницах, на съемных квартирах. В городах Тамбовской губернии такой вид самоубийства в исследуемый период был распространен среди представителей интеллигенции. В 1874 году в Тамбове застрелился из пистолета бывший учитель Шацкого уездного училища 26-летний Новорождественский [9. Оп. 35. Д. 1309. Л. 95–95 об.]. В Тамбове в 1877 г. застрелились в гостиницах купца Силантьева и Куликова два остановившихся там учителя: 30-летний учитель Козловского уездного училища Павел Доронов и бывший учитель Тверского уездного училища Михаил Федотов [9. Оп. 38. Д. 1309. Л. 153 об., 236 об.].

Женщины из интеллигентной среды редко прибегали к огнестрельному оружию как способу ухода из жизни. В Тамбовской губернии нами был обнаружен лишь один такой эпизод. По сообщению уездного исправника «23 мая 1904 г. в с. Матызлях Темниковского уезда Тамбовской губернии застрелилась из револьвера сельская учительница, мецанского звания, девица г. Спасска Елизавета Степановна Чернецова, 17 лет». Дознанием было установлено, что Чернецова застре-

лилась под влиянием тоски, вызванной неудачной сдачей экзаменов ее учениками [5. Д. 5638. Т. 2. Ч. 1. Л. 12].

Изученные материалы дают основание утверждать, что часть самоубийств в городах Тамбовской губернии была совершена крестьянами. Приведем один из таких примеров. В Борисоглебске 3 мая 1908 г. был обнаружен труп крестьянина с. Новоспасского Козловской волости Семена Петровича Полянского, застрелившегося из револьвера в правый висок, причина самоубийства осталась невыясненной [5. Д. 6676. Л. 244; 13]. Можно предположить, что самоубийства крестьян в городах могли быть следствием процесса маргинализации выходцев из деревни, невозможности их адаптации к условиям городской жизни. Эта проблема была подмечена еще пронципальным П. Сорокиным, который, в частности, отмечал: «Крестьянин приходит в город, попадает в шумную, многолюдную толпу, становится «фишкой» и «номером»; глубокое одиночество и отсутствие поддержки в нужную минуту доводит одних до преступления и запоя, других – до отчаяния и смерти» [13].

Для сельских женщин одной из причин суицида являлся фактор «несчастной любви», невозможности вступить в брак с любимым человеком. В корреспонденции из Буйского уезда Костромской губернии (1897–1899 гг.) автор рассказывает о крестьянской девушке Дарье, которая любила сына местного лавочника Сергея, и чувства эти были взаимны. Но по воле отца сын женился на богатой мещанке из города, хотя была она «лицом корява и умом тупа». Вскоре после свадьбы Дарья нашла в овине, повешенной на поясе [10, т. 1, с. 25].

Порой на добровольный уход из жизни решались сельские девушки, обманутые парнями обещаниями жениться и забеременевшие от этой связи. В таких ситуациях на суицид их толкал страх позора и осуждения со стороны родных и соседей [10, т. 3, с. 561]. Так в 1898 г. несчастная любовь стала причиной смерти крестьянской девушки Анастасии Бызовой, жительницы вологодской деревни. Двадцати лет от роду, она два года была «подруженькой» молодого парня из зажиточной семьи, который обещал на ней жениться. Но обманул и женился на другой. Обманутая девушка удавилась в бане. В результате вскрытия было установлено, что она была беременна [10, т. 5, ч. 3, с. 636].

«Несчастливая любовь» также являлась одной из причин суицида горожанок. Естественно, что эта причина была характерна для суицидов, главным образом, молодых девушек. В Борисоглебске девица из дворян 21-летняя Екатерина Арженевская пыталась застрелиться, выставив себе в правую сторону груди. Она осталась жива. Причиной попытки суицида являлся несостоявшийся брак с одним молодым человеком [9. Оп. 37. Д. 1258. Л. 181–181 об.].

У сельских мужчин причины самоубийств были иными, чем у женщин. Для крестьянина, как главы семьи, хозяйственное положение двора выступало основным критерием его общественного статуса. Поэтому разорение хозяйства могло послужить для мужчины веской причиной для того чтобы свести счеты с жизнью. Так в одном из сел Калужской губернии в 1899 г. крестьянин удавился после того, как у него за недоимки, накопившиеся за несколько лет неплатежа податей, была распродана значительная часть его хозяйства, так что остались почти голые стены и одна лошадь [10, т. 3, с. 332]. Аналогичный случай произошел в с. Семеновское Пошехонского уезда Ярославской губернии. В 1898 г. местный торговец, обладавший многочисленным семейством, повесился, узнав о предстоящей распродаже своего имущества с молотка за долги [10, т. 2, ч. 1, с. 508]. В деревне Рожновой Ростовского уезда той же губернии у зажиточного крестьянина 45 лет в результате пожара сгорело все имущество, включая скотину. По рассказам крестьян недели две он ходил, как помешанный, ни с кем не разговаривая, а потом повесился в лесу [10, ч. 2, с. 385].

Причинами мужских самоубийств в уездных городах являлись материальный фактор и финансовые проблемы: бедность, отсутствие заработка, потеря службы

и состояния. В Борисоглебске в 1879 г. уездный смотритель Семенов, выслушав от инспектора официальное сообщение об отставке, выстрелил в себя из револьвера, но остался жив, причинив себе лишь ранение [9. Оп. 40. Д. 598. Л. 319]. В следующем деле подробно рассматривается самоубийство, вызванное, в первую очередь, материальным фактором [9. Оп. 36. Д. 371. Л. 8–12]. В донесении министру внутренних дел в 1875 г. сообщалось, что в г. Кирсанов в 3 часа ночи 31 мая того же года застрелился из револьвера отставной поручик Егор Иевлев. В рапорте уездного исправника сообщалось, что Иевлев в день перед самоубийством в клубном саду играл с двумя знакомыми в карты. Его приятели были сильно пьяны и вели себя шумно и неприлично. Помощник исправника Михневич, как старшина клуба, сделав им замечание, велел погасить свечи и закрыть клуб. После чего Иевлев ударил его по лицу, хотя замечания Михневича к нему не относились. Благодаря вмешательству присутствующих, конфликт был улажен. Домой Иевлев возвращался с врачом Радвилловичем, который упрекал того и говорил, что его поведение будет иметь дурные последствия. Придя домой, Иевлев направился к себе и через несколько минут выстрелил из револьвера себе в рот. В рапорте исправника сообщалось, что «мысль о самоубийстве созревала в Иевлеве уже давно» [9. Оп. 36. Д. 371. Л. 10 об.]. Исправник утверждал, что знал покойного и не раз слышал от него о желании уйти из жизни. Причина заключалась в растрате им состояния вследствие неудачных предприятий. Кроме того, Иевлев злоупотреблял алкоголем, и в день перед самоубийством «был особенно мрачно настроен, крайне задумчив и сосредоточен» [9. Оп. 36. Д. 371. Л. 11]. В комнате покойного была найдена предсмертная записка самоубийцы, адресованная сестре со следующими словами: «Сестра, мой друг, прости! Прости последнее беспокойство, которое тебе делаю. Жить не чем и не для чего. Все мое состояние – дом, заложенный в Обществе взаимного кредита и 2 свидетельства артели, которые лежат вместе с патентами в шкапулке, где бумаги ... Спасибо тебе, ты меня поддерживала много, а то уже пора умереть» [9. Оп. 36. Д. 371. Л. 12].

Сельские самоубийцы, в отличие от городских, по причине неграмотности, почти никогда не оставляли предсмертные записки. Тем ценней записка Тимофея Кузьмича Солодкина, крестьянина д. Киселевка Кирилловской волости Спасского уезда Тамбовской губернии, который лишил себя жизни выстрелом из ружья в рот. Вот ее содержание: «В смерти моей никого не винуйте, страшная тоска и решил сам себя ударить оружейным выстрелом. 28 февраля 1904. Т. Солодкин» [5. Д. 5637. Л. 199 об.].

Одной из причин самоубийств крестьян, если основываться на наблюдениях полицейских чинов, являлась депрессия, а в ряде случаев, по всей видимости, и душевное расстройство. В некоторых рапортах уездных исправников Тамбовской губернии, такое состояние называлось «умоиступлением». По этой причине по донесению Елатомского уездного исправника в августе 1904 г. повесились крестьянки Кадыкова, 40 лет и Степанида Платоновна Арбузова, 61 года [5. Д. 5639. Л. 312, 313 об.]. От продолжительной болезни и тоски наложил на себя руки 29 июля 1908 г. крестьянин с. Калиники Лебедянского уезда Сергей Звягин, 52 лет. А 23 августа того же года в припадке болезненного состояния свела счеты с жизнью – повесилась Анастасия Гончарова, 32 лет, крестьянка с. Панино [5. Д. 6676. Л. 392 об., 496].

Душевные расстройства также составляли одну из причин суицида горожан. Два случая самоубийства по причине умственных расстройств произошли в Шацке в 1870 г. «В припадке умоиступления» застрелился из пистолета 21-летний купец Новичков [9. Оп. 32. Д. 1817. Л. 210]. Вдова купца Мария Ялтунова 34 лет «в припадке болезни» нанесла себе рану ножом в живот и через два дня умерла [9. Оп. 32. Д. 1817. Л. 221]. В Спаске в том же году застрелился из ружья сын почетного гражданина, 23-летний Александр Смольников. По заключению врача, сделал он это «в ненормальном состоянии» [9. Оп. 32. Д. 1817. Л. 34 об.].

Другой причиной самоубийств деревенских мужиков являлось пьянство. В сообщениях информаторов приводились примеры совершения суицида в результате запоя. Крестьянин с. Красивка Козловского уезда Илья Яковлевич Никитин, 40 лет, 25 августа 1908 г. повесился, будучи в нетрезвом состоянии [9. Оп. 32. Д. 6676. Л. 55]; Артемий Ильич Илюшкин, 26 лет, житель с. Антоновки Криушинской волости Тамбовского уезда 25 февраля 1908 г. удавился в пьяном виде в собственном доме [9. Оп. 32. Д. 6676. Л. 100 об.]; 30 июня того же года в д. Щербаковой Пятницкой волости Лебедянского уезда в нетрезвом виде повесился крестьянин Василий Мрачков, 50 лет [9. Оп. 32. Д. 6676. Л. 392 об.]. В ночь на 9 мая 1908 г. в арестантском помещении при волостном правлении удавился крестьянин с. Земетчина Игнатий Кирпичев, 35 лет, страдавший запоем [9. Оп. 32. Д. 6676. Л. 246]. Таким образом, состояние опьянения, абстинентный синдром у крестьян, страдающих алкоголизмом, могли, при определенном стечении обстоятельств, стать причиной суицида.

Проблема алкоголизма весьма остро стояла и в провинциальных городах, поэтому неудивительно, что самоубийства горожане часто совершали в состоянии опьянения. В 1874 году в Моршанске 40-летний купец 2-й гильдии Семенов находился в городской больнице и лечился там от пьянства. При нем постоянно находился больничный смотритель. Воспользовавшись его отсутствием, Семенов удавился [9. Оп. 35. Д. 1306. Л. 79 об.–80]. В Тамбове в 1874 г. покушался на свою жизнь отставной прапорщик Михайлов. Будучи нетрезвым, он нанес рану себе ножом в грудь [9. Оп. 35. Д. 1306. Л. 95 об.]. В Шацке в 1879 г. повесился в своем доме в пьяном виде крестьянин Василий Аватков, 30 лет [9. Оп. 40. Д. 598. Л. 150 об.]. В Елатье удавился дьякон соборной церкви Иван Леонтьев в «припадке тоски от пьянства» [9. Оп. 39. Д. 864. Л. 86 об.]. Данный случай суицида свидетельствует об эрозии норм и ценностей традиционного общества, где самоубийство – тяжкий грех, тем более для служителя церкви.

Самоубийства очень часто были вызваны не какой-то одной причиной, а целым комплексом их. Это становится понятно, когда рассматриваются в качестве источников по данной проблеме не просто полицейские сводки, а полноценные следственные материалы. Например, интересным представляется материал из фонда губернского прокурора Тамбовской губернии, где имеется дело о самоубийстве путем отравления 40-летней купеческой дочери Людмилы Варагушиной, произошедшее в уездном городе Козлове в 1883 г. [5. Ф. 66. Оп. 2. Д. 466]. Врач, осматривавший труп, заключил, что «смерть могла произойти от хлороформа, последствием вдыхания которого происходит паралич сердца и легких» [5. Ф. 66. Оп. 2. Д. 466. Л. 19 об.]. Найденный рядом пузырек с хлороформом и клочок ваты подтверждали это. Свидетели сообщали, что «в молодости она страдала расстройством ума и ее водили много по докторам. ... Варагушина была нервная и со странностями, так она временами начинает всех бранить и роптать на покойных своих родителей, что они не оставили ей средства на жизнь» [5. Ф. 66. Оп. 2. Д. 466. Л. 20 об.–21]. Покойная, со слов родственников, в молодые годы имела любовную связь с неким Караульским. К этой связи ее семья относилась резко отрицательно. Она проживала с ним совместно до его смерти. Как видно из этого дела, самоубийство Варагушина совершила из-за целого комплекса причин, как то: невозможность жить в достатке, который у нее имелся во время сожителства с Караульским (материальные проблемы), конфликты с родственниками (семейные проблемы), а также расстройства психики.

При анализе проблем самоубийств у городского населения Тамбовской губернии важно отметить следующее: несмотря на рост числа суицидов в исследуемый период, ситуацию нельзя было назвать слишком тревожной. Причина в том, что проникновение модернизационных процессов в жизнь горожан губернии было не слишком высоким, хотя конечно и выше, чем в тамбовских селах. И тем

самым неизбежная трансформация традиционных представлений о суициде как о тяжком грехе и недопустимом явлении не распространялась слишком широко.

Приверженность жителей русского села православной вере выступала фактором, удерживающим крестьян от суицида. Увеличение числа самоубийств в деревне было отчасти обусловлено следствием процесса модернизации сельского социума. Преобладание мужчин среди деревенских самоубийц объяснимо их большей тягой к алкоголю и меньшей устойчивостью к стрессовым ситуациям. Содержание гендерных ролей было определяющим в мотивах крестьянских самоубийств.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке гранта НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)» в рамках проекта «Академическая мобильность» 2012 г.

Список литературы

1. Веселовский, К.С. Опыты нравственной статистики в России / К.С. Веселовский. – СПб. : Тип. М-ва внутрен. дел, 1847. – 64 с.
2. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875–1887 гг. // Временник Центр. статист. ком. М-ва внутрен. дел. – СПб, 1894. – Вып. 35. – 182 с.
3. Умершие насильственно и внезапно в Российской империи в 1888–1893 гг. // Временник Центр. статист. ком. М-ва внутрен. дел. – СПб, 1897. – Вып. 41. – 103 с.
4. Гишинский, Я. Динамика самоубийств в России [Электронный ресурс] / Я. Гишинский, Г. Румянцева. – Режим доступа : <http://demoscope.ru/weekly/2004/0161/analit01.php> (дата обращения 14.07. 2011). – Загл. с экрана.
5. Государственный архив Тамбовской области. – Фонд 4. – Опись 1.
6. Массовый суицид в Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vzglyad.ru/society/2005/9/9/6369.html> (дата обращения. 07.07.2011). – Загл. с экрана.
7. Мякинён, И.Х. Как был написан очерк Сорокина о самоубийстве / И.Х. Мякинён // Социол. исслед. – 2003. – № 11. – С. 123–131.
8. Обзоры Тамбовской губернии. 1878–1910 гг. [Электронный ресурс] // ТОГБУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина» : офиц. сайт. – Режим доступа : <http://www.tambovlib.ru/index.php?view=digital.pdf.obzor>. – Загл. с экрана.
9. Российский государственный исторический архив. – Фонд 1286.
10. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы этнографического бюро князя В.Н. Тенишева / авт.-сост. И.И. Шангина ; науч. ред. Д.А. Баранов, А.В. Коновалов. – СПб. : Деловая полиграфия, 2004–2008. – 7 т.
11. Гернет, М.Н. Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 годах / М.Н. Гернет. – М. : Центр. статист. упр. СССР, – 1929. – 57 с.
12. Святловский, Е.В. Материалы по вопросу о санитарном положении русского крестьянства. Медико-топографическое описание Волчанского уезда Харьковской губернии / Е.В. Святловский. – Харьков : Тип. Губернского Правления, 1887. – 313 с.
13. Сорокин, П. Самоубийство как общественное явление [Электронный ресурс] / П. Сорокин. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin/suicid.php (дата обращения. 07.07.2011). – Загл. с экрана.
14. Статистические сведения о насильственных и внезапных смертях в Европейской России в период 1870–1874 гг. // Статист. временник Российской Империи. Сер. II. – СПб., 1882. – Вып. 19, гл. 2. – 302 с.

Suicide in Town and Villages of Russian Province in Late 19th – Early 20th Centuries

V.B. Bezgin, D.P. Zherebchikov

*Department "History and Philosophy", TSTU;
vladyka62@mail.ru*

Key words and phrases: causes of suicide; drunkenness; hanging; gender; mental disorders; poisoning; provincial town; Russian village; suicide.

Abstract: The paper studies the problem of suicide of provincial urban and rural residents in Russia in the late 19th – early 20th centuries. The materials of statistics on suicides in Russian provinces have been studied and analyzed. The ways, reasons and motives for voluntary suicide of urban and rural residents have been explored. The problem of suicide of urban and rural residents has been discussed in social and gender aspects.

Suizid in der Stadt und in dem Dorf der russischen Provinz des Endes des XIX. – der Anfang des XX. Jahrhunderts

Zusammenfassung: Es ist das Problem des Suizides der provinziellen städtischen und ländlichen Spießbürger in Russland des Endes des XIX. – der Anfang des XX. Jahrhunderts betrachtet. Es sind die Materialien der Statistik für die Selbstmorde in der russischen Provinz studiert und analysiert. Es sind die Weisen, die Gründe und die Motive des freiwilligen Abgangs aus dem Leben der Bewohner der Stadt und des Dorfes untersucht. Das Problem der Suizidizität der Städter und der Landmänner ist in den Sozial- und Genderaspekten betrachtet.

Suicide dans la ville et dans le village de la province russe de la fin du XIX-ème – début XX-ème siècles

Résumé: Est examiné le problème du suicide des habitants des villes et des villages en Russie de la fin du XIX-ème – début XX-ème siècles. Sont étudiés et analysés les matériaux de la statistique des suicides en province russe. Sont étudiés les moyens, les causes et les motifs des suicides des habitants des villes et et des villages. Le problème du suicide des habitants des villes et et des villages est examiné sous l'aspect social et celui de genre.

Авторы: *Безгин Владимир Борисович* – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия»; *Жеребчиков Дмитрий Павлович* – аспирант кафедры «История и философия», ФГБОУ ВПО «ТГТУ».

Рецензент: *Слезин Анатолий Анатольевич* – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и философия», ФГБОУ ВПО «ТГТУ».